

ОЧЕРКЪ БЫВШАГО ЗАПЯНДЖСКАГО ДАРВАЗА.

Въ іюлѣ 1894 года, въ самый разгаръ дѣйствій отрядовъ генерала Іонова на Памирахъ, изъ Самарканда была двинута команда охотниковъ съ цѣлью попытаться пройти черезъ горную часть Бухарскаго ханства и далѣе черезъ Дарвазъ и Рошанъ на Памирскій постъ или вообще соединиться съ однимъ изъ отрядовъ нашихъ, приближавшихся по Гунту и Шахъ-дарѣ къ Пянджу. Команда состояла изъ двухъ офицеровъ и 18-ти нижнихъ чиновъ; въ числѣ офицеровъ былъ и я.

Вслѣдствіе передвиженія значительныхъ отрядовъ афганскихъ войскъ на Памирахъ съ востока на западъ, тѣснимыхъ генераломъ Іоновымъ, всѣ немногочисленные пути, ведшіе къ назначенной цѣли, были, такимъ образомъ, для насъ закрыты; очистить же себѣ дорогу открытой силой мы не могли, во-первыхъ, по ничтожности нашего отряда, а, во-вторыхъ, въ виду преподаннаго намъ указація избѣгать всячески вооруженнаго столкновенія съ авганскими войсками. По этой причинѣ, прибывъ къ Калаи-Вамару, главному

населенному пункту Рошана съ запада, въ самый интересный моментъ, именно, когда Шахъ-даринскій и Гунтскій отряды подходили къ нему же съ востока (съ 1-го по 8-е августа), мы принуждены были лишь любоваться съ высотъ Акбаи-Гульдзари на этотъ пунктъ, куда къ тому времени стянулись значительныя силы авганцевъ. Въ результатъ было то, что нашъ отрядецъ, простоявъ три дня среди голыхъ камней Ваффа, съѣвъ остатки своихъ сухарей и выпивъ послѣднюю щепотку чая, долженъ былъ двинуться назадъ сначала къ Калаи-Хумбу, а затѣмъ и дальше во-своиса, въ Самаркандъ.

Вслѣдствіе этого обстановка создалась, въ періодъ времени съ 26-го іюля по 8-е августа, слѣдующая:

Шахъ-даринскій отрядъ, наступавшій по этой рѣкѣ къ Калаи-Вамару 28-го іюля, имѣлъ бой у мѣстечка Рошъ-кала, послѣ чего продолжалъ движеніе впередъ; Гунтскій отрядъ, шедшій туда же по Гунту, 5-го августа имѣлъ дѣло уже у Вязъ-дара, продолжавшееся до 8-го августа, и тоже прослѣдовалъ далѣе. Нашъ же отрядецъ, бродившій безъ всякихъ свѣдѣній, кромѣ собираемыхъ по пути, вынужденный двинуться къ Калаи-Вамару не по р. Пянджу, по сравнительно удобной тропѣ, а черезъ тогдашній Запянджскій Дарвазъ, въ это же время, т. е. 26 іюля, былъ въ селеніи Тальбаръ, а 28 въ Калаи-Хумбѣ. Иначе говоря, всѣ три отряда были отъ Калаи-Вамара, пункта, къ которому всѣ волею или случаемъ тяготѣли, въ день боя у Рошъ-калы, почти въ одинаковомъ разстояніи—около 90 вер.

5-го же августа, въ день стычки у Вязъ-дары, мы были уже въ селеніи Пятау, т. е. всего въ 30-ти верстахъ отъ этого города, опередивъ своихъ товарищей.

Съ этого же дня, въ то время, какъ два наши восточные сосѣда продолжали успѣшно двигаться къ общей цѣли, нашъ отрядецъ вынужденъ былъ повернуть назадъ сначала медленно, въ надеждѣ добыть хоть какое нибудь свѣдѣніе о Памирцахъ и соединиться съ нами, а потомъ полнымъ ходомъ, безнадежно махнувъ рукой на главную цѣль своего похода.

Такимъ образомъ, наша команда, совершивъ въ 76 дней похода около 2,000 верстъ (съ 5-го іюля по 16-е сентября), переваливъ на своемъ пути 25 переваловъ высотой отъ 5,000 до 18,000 футъ, въ сущности не выполнила прямого своего назначенія,—не соединилась фактически ни съ одной изъ частей Памирскаго отряда.

Съ другой же стороны, этотъ исключительно быстрый и тяжелый маршъ принесъ плоды въ томъ смыслѣ, что впервые освѣтилъ такіе неизвѣданные дотолѣ раіоны Бухарскаго ханства и Па-

мировъ, какъ группа ледниковъ Хазретъ-Султанъ, теченіе рѣки Тупалангъ и, наконецъ, пересѣкъ сѣверный участокъ Бадахшана, извѣстный тогда подъ именемъ Запянджскаго Дарваза.

Если принять во вниманіе, что районъ этого марша представляетъ собою исключительно горную страну съ такими хребтами, какъ Гиссарскій (средняя высота переваловъ свыше 12,000 ф.), хребты Дарваза и Бадахшана (ср. высота первыхъ свыше 11,000 ф., и послѣдняго болѣе 13,000 ф.) съ ежедневными перевалами и глубокими ущельями, что при невозможномъ состояніи тропъ, полныхъ карнизовъ и балконовъ, движеніе совершалось съ быстротой въ среднемъ около 27 верстъ въ день, то можно смѣло сказать, что этотъ походъ небольшого пѣшаго отряда, въ продолженіи болѣе 2¹/₂ мѣсяцевъ, является довольно исключительнымъ. А такъ какъ отрядецъ этотъ побывалъ въ бывшемъ Запянджскомъ Дарвазѣ, какъ извѣстно, отошедшемъ по разграниченію 1895 года къ Авганистану, то, я думаю, не безынтересно будетъ дать объ этихъ мѣстахъ нѣкоторыя свѣдѣнія, добытыя во время похода. Именно это и побудило меня написать то, что добыто мною въ изложенный только что походъ 1894 года.

Судя по имѣющимся подъ руками справкамъ, Запянджскій Дарвазъ (будемъ такъ называть кусокъ владѣній эмира бухарскаго по лѣвую сторону Пянджа, отданный въ 1895 году авганцамъ) долго не посѣщался никѣмъ изъ нашихъ изслѣдователей; только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ стали появляться въ печати сначала отрывочныя свѣдѣнія объ этой странѣ, а затѣмъ и болѣе полныя описанія. Но всѣ эти описанія велись, такъ сказать, издали, лицами, не бывшими лично за Пянджемъ, а самое большее производившими эти описанія съ праваго берега рѣки.

Послѣ 1890 года былъ совершенъ рядъ рекогносцировокъ и на лѣвый берегъ. Но опять-таки эти рекогносцировки имѣли почему-то одну исходную точку, именно селеніе Джумарчъ, отъ котораго развѣдчики направлялись на югъ по направленію перевала Акбай-Гульдзари, дальше чего развѣдка не шла. И только въ 1894 году командѣ охотниковъ бывшаго 11-го Туркестанскаго линейнаго баталіона пришлось, неожиданно для самой себя, перерѣзать эту часть Бадахшана въ новомъ направленіи, именно по рѣкѣ Оби-Ширинъ и ея притокамъ, черезъ ледниковый переваль Паткъ, безымянный (охотниковъ) и Гульдзари вплоть до рѣки

Цянджа, откуда, повернувъ на сѣверъ, пройти участкомъ, такъ называемой, индѣйской дороги до Друмарча, гдѣ, переправившись снова на бухарскій берегъ, замкнуть кругъ, направившись въ Калаи-Хумбъ. (См. сх.).

Границами Запянджскаго Дарваза были: на востокъ, сѣверъ и западъ рѣка Пянджъ, окаймляющая, такимъ образомъ, его съ трехъ сторонъ; съ юга же границей между этими владѣніями Бухарскаго эмира и Авганскимъ Бадахшаномъ была сомнительной достовѣрности, скорѣе призрачная, линія, шедшая по предположеннымъ, никѣмъ изъ европейцевъ невиданнымъ хребтамъ въ родѣ Кугъ-и-Шива, Сія-кухъ, Сафидъ-и-хырсь и др. Линія эта вилась по вершинамъ предположенныхъ хребтовъ и, дѣлая рѣзкіе изгибы, приводила отъ сел. Ротау (на р. Тангъ-Шива) къ впаденію р. Ови-Зырындюу въ Пянджъ на западъ ($37^{\circ} 40'$ шир.).

Представляя собою естественное продолженіе мощнаго кряжа, выдвинувшагося отъ Гиндукуша на сѣверъ, этотъ участокъ Бадахшана является какъ бы гигантскимъ контрфорсомъ этого хребта, заставившимъ Пянджъ (у Ишкашима) измѣнить свое западное теченіе и сдѣлать петлю болѣе чѣмъ на 400 верстъ, вмѣсто какихъ нибудь 120 верстъ прямого пути.

Весь этотъ районъ, около 80 в. ширины и 90 длины, въ полномъ смыслѣ слова забитъ горами настолько, что невозможно себѣ вначалѣ уяснить, гдѣ же главный хребетъ и гдѣ его меньшіе братья. Многочисленные ущелья-корридоры, отвѣсныя и болѣе пологіе контрфорсы горъ не даютъ возможности ориентироваться. Только взойдя на вершину перевала Паткъ, убѣждаешься, что находишься на главномъ кряжѣ, господствующемъ надъ остальными, оставшимися внизу, и впервые видишь горизонтъ нѣсколько открытымъ. И тутъ-же является увѣренность, что вершины этого Патка, и находящихся рядомъ же Коомолинга, Мадуть'а, Газъ-дары и Вортнау наивысшія точки этой окаймленной съ трехъ сторонъ Пянджемъ возвышенности. Начинаясь у сел. Мой-Май и Джарфъ (на Пянджѣ), этотъ (главный) хребетъ идетъ, быстро повышаясь на югъ, гдѣ возлѣ пика Газъ-дара, какъ возлѣ оси, поворачиваетъ изломанной линіей на юго-западъ и въ такомъ направленіи слѣдуетъ далѣе. Возлѣ пика Бенды-вестхось отъ него отдѣляется замѣтно меньшій, но все же мощный кряжъ, составляющій вторую ось горной системы этого края, и направляется на сѣверъ къ Калаи-Хумбу.

Такимъ образомъ, эти два кряжа, имѣющіе общую тачку въ видѣ пика Бенди-Вестхось, являются основой горной системы и, сходясь низшими своими, сѣверными концами въ одномъ пунктѣ у сел. Кугасъ, образуютъ грозную крѣпостную стѣну съ единственнымъ входомъ въ замкнутую ими сравнительно низкую котловину, и со стороны огибающаго ихъ Пянджа представляютъ непроходимую почти преграду, увѣнчанную во многихъ мѣстахъ снѣгами и ледниками.

Вся остальная площадь Запянджья заполняется гигантскими отрогами этихъ двухъ кряжей настолько, что у туземцевъ отсутствуетъ хотя бы приблизительное понятіе о ровной площади ¹⁾.

Представляя собою рѣзко выраженные массивы, хребты эти вмѣстѣ съ таковыми низшихъ порядковъ имѣютъ громадную абсолютную величину, вѣроятно, доходящую до 20000 ф. и даже болѣе, такъ какъ только перевальныя точки, какъ напр., Паткъ, имѣютъ около 18000 ф. Въ то же время чернѣющія рядомъ ущелья имѣютъ 8000, 10000 ф. высоты или даже, какъ напримѣръ, все теченіе Пянджа—4400—6200 ф. Однѣ цифры эти уже показываютъ, что Запянджскій Дарвазъ весь состоитъ изъ ряда глубокихъ ущелей и колоссальныхъ хребтовъ, разница высотъ которыхъ доходитъ на 4—5 верстахъ проэкціи до 6—7000 футъ.

Такъ какъ линія вѣчнаго снѣга на Памирахъ спускается въ среднемъ не ниже 13000 ф., то хребты Запянджскаго Дарваза, несмотря на ихъ громадную высоту, на половину лишены снѣга въ лѣтніе мѣсяцы, то есть въ іюль и августъ. Тѣмъ не менѣе, въ ущельяхъ и глубокихъ складкахъ, особенно на сѣверныхъ склонахъ, залежи снѣга, иногда весьма большихъ размѣровъ, попадаются довольно часто; отдѣльные уже бѣлые клочки его встрѣчаются даже на высотѣ 6000 футъ. Иногда приходилось наблюдать странныя, для непривычнаго глаза, картины; напримѣръ, возлѣ селенія Хивачъ, громадная снѣжная поляна, вѣроятно сползшая весною лавина, залегла внизу по рѣкѣ Оби-Ширинъ такъ крѣпко, что скрыла подъ собою этотъ мощный потокъ и заклинила ущелье на нѣсколько сажень вверхъ; и лежала она тамъ даже въ первыхъ числахъ августа. А рядомъ, наверху на высотѣ 10000 футъ разбросался этотъ кишлячокъ и густо зеленѣли бобовыя поля, окаймленные скромными яркими талами (родъ вербы).

Вѣчные снѣга начинаются по главному хребту, не носящему какого либо общаго названія, отъ кишлака Мой-Май, всего въ

¹⁾ Очеркъ этотъ касается района къ югу и востоку отъ Калаи-Хумба.

какихъ-нибудь 12 верстахъ отъ Пянджа. Здѣсь же пріютился и небольшой ледникъ, залегшій въ котловинѣ между перевалами Орвартъ и Мой-Май, обращенный отверстіемъ къ сѣверу.

Далѣе бѣлая прерывчатая линія снѣга виднѣется по направленію Патка. Здѣсь же, начиная отъ этого послѣдняго и продолжая къ Коомолингу, Сіяшакъ, Мадуть, Газъ-дара, сползая на западъ и особенно на сѣверо-востокъ, залегли грандіозные ледники, большей частью посыпанные различной толщины слоями того-же снѣга, съ запасами фирна. Ледники эти, прерываясь, по словамъ туземцевъ, тянутся и далѣе на западъ и юго-западъ; особенно извѣстны ледники Эшъ и Сефидъ-и-Хырсь.

Намъ пришлось ознакомиться съ ледникомъ Паткъ, при движеніи черезъ переваль того же имени и съ небольшимъ ледникомъ безъ имени, пріютившимся подъ такимъ же переваломъ, вслѣдствіе его безымянности названнымъ переваломъ охотниковъ.

Паткскій ледникъ, дающій воду рр. Оби-Ширинъ, Оби-Паткъ и Оби-Варфатъ, то есть расточающій свои запасы по тремъ направленіямъ, очень великъ (юго-восточное, сѣверное и сѣверо-западное).

Онъ расположенъ главною своею масою по тремъ, спускающимся терасами, котловинамъ надъ верховьями рѣки Оби-Ширинъ и глядитъ, такимъ образомъ, на сѣверо-западъ. Въ этомъ направленіи онъ тянется почти на шесть верстъ при ширинѣ, достигающей 400—500 сажень.

Если двигаться со стороны к. Хыджва, откуда собственно и можно сравнительно легко совершить подъемъ, то картина будетъ слѣдующая.

Отъ этого кишлака вверхъ по ущелью Оби-Ширинъ, съ почти отвѣсными грандіозными боками, увѣнчанными линіей снѣга, тропа вьется довольно спокойно, пробираясь среди камней, разбросанныхъ по широкому дну ущелья. Здѣсь высота едва достигаетъ 9000 футъ, растутъ трава, колючій кустарникъ и тальникъ; огромныхъ размѣровъ зонтичное растеніе, носящее въ обиходѣ, по своему отвратительному запаху, непривлекательное названіе вонючки, покрываетъ большія пространства. Здѣсь же въ Оби-Ширинъ впадаютъ слѣва два безымянные, но бурные потока, берущіе начало въ ледникахъ Патка. На первомъ, нижнемъ, на которомъ собственно и стоитъ жалкій поселокъ Хыджва, видны зеленые сады; но путь на переваль лежитъ вверхъ по второму потоку, для чего приходится круто повернуть влѣво, въ узкое и темное вначалѣ ущелье,

изъ сравнительно широкаго съ ровнымъ дномъ коридора Оби-Ширинъ. Отсюда открывается дивный видъ на гигантскій Коомолингъ, сплошь покрытый блистающими снѣгами. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ уже всѣ хребты увѣнчаны бѣлой снѣговой пеленой.

Послѣ пяти верстъ изнурительнаго крутого подъема среди громадныхъ камней, съ порослями тальника и колючки, черезъ залежи сползшихъ снѣговыхъ лавинъ, подъ шумъ ревущаго на разные голоса потока, босоногій таджикъ выводитъ караванъ на широкую внезапно разостлавшуюся зеленую поляну съ густой рощей высокаго кустарника. Тутъ же шумитъ громадный водопадъ. Это обычное и послѣднее мѣсто остановки всѣхъ направляющихся на переваль. Слѣды многочисленныхъ костровъ рельефно выдѣляются на сочной короткой муравѣ. Тутъ же этотъ мощный потокъ куда то исчезаетъ и вмѣсто него спокойно бѣгутъ многочисленныя струйки, собравшіяся гдѣ то подъ грудями камней.

Впереди грозно высится первая морена, вѣроятно, правая боковая, изгибающаяся словно гигантская ограда вдоль бѣлѣющаго за ней снѣговаго, съ сильнымъ, но ровнымъ подъемомъ, поля. Вправо видна такая же ея лѣвая сосѣдка. Необычайно трудный подъемъ среди мареновыхъ камней, удушье и усталость принуждаютъ больше смотрѣть подъ ноги и на людей, нежели любоваться грандіозными картинами.

Съ этого мѣста и до вершины перевала по съемкѣ насчитывается около 9 верстъ, изъ нихъ 3—среди каменныхъ грядъ, 2—снѣжными полянами, вѣроятно, необнажившимися еще въ началѣ августа льдами, и 4—по ледянымъ полуобнаженнымъ площадямъ главнаго ледника.

Гряды камней такъ странно преграждаютъ дорогу льдамъ, что дѣлаютъ нѣчто въ родѣ запрудъ съ той и другой стороны и заставляютъ эту застывшую рѣку изгибаться слѣва направо три полныхъ раза. Отдѣльныя нагроможденія камней на концахъ этихъ грядъ черными вершинами высятся на ослѣпительно бѣлой площади снѣговъ.

Помимо всего этого, съ перваго же взгляда бросаются въ глаза три гигантскія ступени подъема, сдерживающія своими каменными стѣнами огромные запасы льда и фирна, запавшіе и сползшіе за нихъ съ перевала. Это настолько рѣзко здѣсь, что, перебравшись разъ черезъ громадный валъ гряды по темнокоричневымъ камнямъ, уже заранѣе знаешь, что за этимъ валомъ будетъ маленькій спускъ, затѣмъ ровный, но сильный подъемъ по снѣж-

ному полю, превращающемся впереди въ крутое, горбомъ на-
пирающее сверху, обледенѣлое бѣлое поле; затѣмъ зигзагами, по
обнажившемуся голубоватому, сверху рыхлому льду; далѣе подъемъ
по этой бѣлой полянѣ сглаживается, и впереди начинается чернѣть
новая гряда черныхъ камней и такъ далѣе.

На послѣднемъ ледяномъ, полѣ подъ самымъ переваломъ, ледъ
наиболѣе чистъ; его синія глубокія трещины виднѣются по всѣмъ
направленіямъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ до 2-хъ аршинъ
ширины; болѣе же значительныхъ видѣть не приходило. Подъ
самой высшей точкой перевала, подъ грядой черныхъ камней,
пріютился ледниковый колодезь, въ августѣ наполненный до
краевъ водой. Діаметръ его достигалъ до 4 аршинъ при почти
кругломъ отверстіи.

Юго-восточную часть ледника, расположившуюся по ту же
сторону перевала, осмотрѣть не удалось за наступленіемъ тем-
ноты; во всякомъ случаѣ, ширина ледяного поля подъ этимъ пе-
реваломъ превосходитъ 200 сажень и ограждена отъ головолом-
наго спуска въ ущелье Оби-Паткъ каменной грядой, направляю-
щей эту застывшую рѣку на югъ, въ сосѣднее ущелье. Сѣвернаго
участка Паткского ледника не было совсѣмъ видно.

Взобравшись на переваль, высота котораго, какъ я уже гово-
рилъ, доходитъ до 18000 футъ, взоромъ окидываешь сразу всю
мѣстность. Рядомъ, на пять верстъ южнѣе, высится громада Коомо-
линга, версты на три далѣе Сіяшанъ, далѣе Газъ-дара; а за ними
выглядываетъ Мадуть. Эти вершины, окруженные ледяными по-
лями, такъ близки одна къ другой, что, вѣроятно, ихъ ледники пред-
ставляютъ собою одинъ общій громаднѣйшій ледникъ, тянущійся до
Бенда-Вестхоса и обращенный главной своей массой на сѣверъ.

Такимъ образомъ, эта ледяная шапка, діаметромъ съ востока
на западъ болѣе 35 верстъ, представляетъ собою корону, вѣнчаю-
щую всѣ каменные, посыпанные бѣлой пеленой громады Запяндж-
скаго Дарваза. Однако, корона эта, надѣтая на Запянджье, не сомк-
нута; она съ сѣверной стороны имѣетъ ворота и поэтому оттуда
представляется ледяной подковой, охватывающей болѣе чѣмъ 60
верстное пространство отъ Бенда-Вестхоса до г. Чилтана вклю-
чительно; отъ этой подковы нѣсколько отдѣлились ледники Мой-
Май и Гинваръ.

Небольшой ледникъ, находящійся подъ переваломъ охотни-
ковъ, представляетъ собою, вѣроятно, отдѣльное образованіе; онъ
находится въ семи верстахъ къ юго-востоку отъ Патка и обращенъ
устьемъ своимъ на сѣверъ.

Ни самый ледникъ, ни переваль не имѣютъ никакого имени; о послѣднемъ туземцы говорятъ такъ: «переваль, который ведетъ въ Сіянъ (селеніе)». Послѣ Патка этотъ запасъ льда и фирна можно считать положительно ничтожнымъ; размѣры котловины, занятой имъ въ августѣ, были около 1 версты длины и 150—200 саж. ширины.

Подъемъ на этотъ ледникъ со стороны кишлака Гумая, по козьей тропѣ, вьющейся вверхъ по ущелью небольшого безымяннаго же ручья, впадающаго въ Оби Паткъ возлѣ этого селенія, труденъ такъ же почти, какъ и на Паткъ, но менѣе тяжелъ по причинѣ сравнительной незначительности перевала (около 14,000 фут.). Тѣ же залежи снѣга внизу, скрывающія подъ собой ручей и забившія почти сплошь темныя и глубокія ущелья; тѣ же черно-коричневые скалистые массивы, камни; нѣтъ только по пути ни кустовъ, ни травы.

Боковые хребты такъ же густо усыпаны снѣгомъ.

Ледники и горы юго-западной части Запянджскаго Дарваза, по показаніямъ жителей, таковы же какъ и только что описанные; лишь высота и размѣры ихъ нѣсколько меньше. Таковы Эшъ и Сефидъ-и-Хырсь.

Это картина центральной, самой возвышенной, части Запянджя, подковообразнаго ледяного вѣнца и мѣстностей, внутри его и возлѣ, непосредственно примыкающихъ къ нему извнѣ.

Нѣсколько иною представляется полоса по самому берегу Пянджа. Здѣсь горные кряжи, опрокидывающіеся въ рѣку и стѣснившіе ее своими отвѣсными колоссальными боками, значительно ниже и въ большинствѣ не покрыты снѣгомъ; но неприступность ихъ едва ли еще не большая. Общій характеръ ихъ—голыя скалы и отвѣсы, измѣряемые тысячами футъ, и такія же вершины; да изрѣдка обширныя отсыпи щебня, образовавшіяся отъ разрушенія скаль.

Все только что сказанное прямо относится до прирѣчнаго участка отъ Джумарча до Калаи-Хумба и далѣе внизъ по теченію; что же касается прирѣчнаго района отъ Джумарча вверхъ до Калаи-Вамаро, то, хотя по самому Пянджу хребты и ихъ контрфорсы такъ громоздятся, что представляютъ изъ себя почти отвѣсную стѣну, съ перерывами для впадающихъ ручьевъ; тѣмъ не менѣе, вершины этихъ хребтовъ значительно мягче и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ прямо округлыя, хотя все же чрезвычайно крутыя, формы. Это уже какъ бы преддверіе холмовъ восточнаго Памира.

Таковы хребты переваловъ Бараси, Гумай, Рога и Гульдзари, тѣмъ не менѣе имѣющихъ низшую точку въ 11,000. Это и дало возможность жителямъ проложить конную тропу въ направленіи на Вамаръ, Баръ-Пянджъ и далѣе, громко называемую индійской дорогой.

На этомъ же участкѣ имѣется и единственная ровная площадь — это выступъ по излучинѣ Пянджа послѣ сліянія съ нимъ Ванча. На самомъ берегу тянется полоса земли, длиною около 1½ версты и шириною не болѣе 200 сажень, возлѣ которой какъ разъ устроена переправа черезъ Пянджъ.

Рѣки и ручьи Запянджскаго Дарваза всѣ безъ исключенія ледниковые и берутъ начало въ ледникахъ системы Мой-Май, Паткь-Гынваръ.

Только юго-западная часть ихъ пользуется снѣгами Эшъ и Сефидъ-и-Хырса. Исключеніе составляетъ лишь рѣка Таигъ-Шива, берущая начало въ центрѣ Бадахшана, гдѣ то возлѣ озера Шива; но и она въ нижней половинѣ своего теченія беретъ крупную дань съ этихъ же ледниковъ, принимая въ себя нѣсколько крупныхъ и мелкихъ ручьевъ.

Не беря уже Пянджа, на протяженіи 250 верстъ омывающаго съ трехъ сторонъ берега этого края, главнѣйшими рѣками его, являются: Оби-Равинчъ-оу, Оби-Кафау, Оби-Ширинъ и Таигъ-Шива. Не касаясь двухъ первыхъ, на которыхъ мнѣ быть не удалось, скажу лишь, что первая изъ нихъ имѣетъ около 75 верстъ длины при средней ширинѣ въ 15—20 шаговъ; а вторая — около 60 верстъ, при той же ширинѣ. Остальныя же рѣки и ручьи слѣдующія:

Оби-Ширинъ; едва ли не самая полноводная, имѣетъ около 75 верстъ наибольшей длины при ширинѣ въ верховьяхъ около 10 шаговъ, а внизу около 30—35. О скорости теченія говорить трудно, когда этотъ потокъ сноситъ лошадей и ворочаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ многопудовые камни. Въ нѣкоторыхъ же разливныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ у Хырката, скорость теченія его равна 11 футамъ въ секунду.

Эта рѣка протекаетъ какъ разъ въ громадной котловинѣ, образованной ледниковыми хребтами Запянджья, и вслѣдствіе этого является главной жизненной артеріей края. Беря начало въ ледникахъ Патка, Коомолинга, Мадута и Бенди-Вестхоса, то есть на пространствѣ 30 верстъ, она принимаетъ въ себя такое же число притоковъ, съ такими же названіями (за исключеніемъ своихъ

истоковъ подь Паткомъ, которые сразу именуется «Оби-Ширинъ»). Эти притоки слѣдующіе: Оби-Коомолингъ, Оби-Мадуть, Оби-Вестхось. Который изъ нихъ болѣе значительный по количеству воды, сказать трудно: вѣрнѣе, что таковымъ будетъ Оби-Вестхось; но это и не такъ важно; гораздо важнѣе для жителей длина ихъ, какъ артерія, къ которой прилѣпляются селенія и кишлаки. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ также Вестхосу.

Кромѣ перечисленныхъ притоковъ въ Оби-Ширинъ впадаютъ другіе, менѣе крупные, берущіе начало въ ледникъ Мой-Мая; наиболѣе значительные изъ нихъ Буджумъ, Дыроу и Хыркать. Цѣлая серія другихъ ручейковъ стремится къ рѣкѣ изъ каждаго болѣе или менѣе значительнаго ущелья.

Каковъ общій характеръ этой рѣки, можно судить по тому, что, начинаясь на высотѣ 13,500 футъ, она впадаетъ въ Пянджъ противъ Калаи-Хумба, на высотѣ 4,600 футъ, пройдя всего лишь 75 верстъ, то есть на 28 футъ пути 1 футъ паденія (4 саж. на 1 футъ).

Рѣка Тангъ-Шива, протяженіемъ около 120 верстъ, является значительно болѣе многоводной, но, стѣсненная въ узкомъ ущельѣ, она не беретъ въ себя такихъ крупныхъ притоковъ, по крайней мѣрѣ въ нижнемъ своемъ теченіи, принадлежавшемъ Запянджскому Дарвазу. Почему то она не является такъ населенной, какъ Оби-Ширинъ; на ней насчитывается всего не болѣе 6 селеній. Вѣроятно, это происходитъ отъ отсутствія сколько нибудь удобныхъ площадей (судя по нижнему теченію) и вслѣдствіе отвѣсныхъ скалистыхъ голыхъ боковъ ущелья. Туземцы рассказывали, что въ верховьяхъ рѣки, въ Бадахшанѣ, есть болѣе свободнаго мѣста, и вслѣдствіе этого неселеніе гуще.

Остальныя рѣки, хотя и многоводныя, являются скорѣе ручьями; но, тѣмъ не менѣе, онѣ также служатъ линіями для поселковъ; и въ сущности нѣтъ ни одного ручья въ Запянджѣ, на которомъ не стоялъ хотя бы ничтожный, кишлачокъ, не были бы разведены сады и не видѣлись бы наверху зеленые квадратики запашекъ.

Наиболѣе значительными изъ нихъ являются Оби-Паткъ, около 30 верстъ длины, принимающій въ себя слѣва 4 притока; затѣмъ Усангъ-су, такой же длины, но уступающій по количеству воды Оби-Патку. За ними идетъ серія ручьевъ, какъ на примѣръ, Джумарчъ, Варфать, Мой-Май, Дельвохъ, Куф, Убогенъ и другіе.

Ни одного озера нѣтъ во всемъ Запанджскомъ Дарвазѣ, даже не встрѣчалось ни одного пруда или просто хауза (пруды, дѣлаемые на арыкахъ для кейфа и домашняго обихода).

Арычная система, чѣмъ справедливо гордится вся Средняя Азія, здѣсь въ самомъ зачаточномъ состояніи. Правда, каждый кишлакъ, какъ уже сказано, располагающійся непременно на рѣкѣ или ручейкѣ, расчищаетъ себѣ такое мѣсто, чтобы имѣть возможность провести воду въ свои сады; и вода дѣйствительно бѣжитъ по крошечнымъ арычкамъ въ каждый садикъ, но чего либо большаго путникъ не увидитъ. Только изъ ручья, бѣгущаго съ перевала охотниковъ къ Верхнему Гумаю, выведенъ довольно искусно небольшой арыкъ длиною около 5 верстъ, дающій воду для небольшой площади посѣвовъ. Такіе же арыки имѣются у кишлаковъ Нижняго Гумая, длиною около 2 верстъ, и выше Варфа—длинною около 4 верстъ. Больше же нигдѣ сколько нибудь значительныхъ канавъ не встрѣчалось. Наряду съ этимъ весь правый берегъ Панджа изрѣзанъ арыками, особенно нѣсколько выше Калаи-Хумба и возлѣ селенія Джарфъ.

Все пространство Запанджскаго Дарваза представляетъ собою пагроможденіе голыхъ непривѣтливыхъ камней и скалъ, на болѣе высокихъ точкахъ покрытыхъ снѣгомъ и ледниками. Холмистые участки попадаются случайно, преимущественно на высотѣ 9—10,500 футъ, частью покрытые щебнемъ разрушенныхъ горныхъ породъ, частью же представляющіе собою лѣтомъ ярко зеленые луга, покрытые короткой сочной травой. Всѣ ущелья рѣкъ такъ же голы, какъ и окружающія ихъ горы; исключеніе составляютъ нѣсколько участковъ по теченію Оби-Ширинъ, занятыхъ подъ запашки бачарной пшеницы или подъ селенія; въ низовьѣ Тангъ-Шива у кишлака Ратау имѣется также нѣсколько свободнаго мѣста, равно какъ и возлѣ к. Ворфъ и Патау на Усангъ-су и у Гумая.

Болѣе или менѣе значительное количество холмистыхъ участковъ наблюдается и по теченію Оби-Ширинъ:

Тамъ, начиная отъ кишлака Бузинъ подъ переваломъ Орвартъ, рѣзко выдѣляется холмистая покрытая лучами терраса, которая и тянется на высотѣ отъ 8 до 9,000 футъ вверхъ, параллельно ущелью рѣки вплоть до ручья Хыджва, то есть на протяженіи почти 20 верстъ. Ширина этой террасы мѣстами, какъ на примѣръ, у сел. Хивачъ, равняется почти 2 верстамъ и граничитъ на сѣверо-востокѣ главнымъ ледниково-снѣжнымъ кряжемъ, спускающимся

отъ Патка къ Мой-Маю. Терраса эта пересѣкается ручьями, бѣгущими поперекъ, и каскадомъ, опрокидывающимся въ ущелье по его почти отвѣснымъ склонамъ. Въ концѣ іюля и началѣ августа она была покрыта сплошнымъ ковромъ короткой травы и мѣстами запашками.

Такія же, но значительно меньшихъ размѣровъ, холмистыя террасы имѣются по теченію Усангг-су надъ кишлаками Питау и Варфомъ и по верху лѣваго склона ущелья Оби-Паткъ, надъ Гумаемъ (Нижній).

Все остальное пространство Запянджѣя, какъ было уже сказано, представляетъ изъ себя нагроможденія голыхъ темно коричневыхъ гигантскихъ скалъ. Только у владѣнія Оби-Ширинъ въ Пянджѣ, по берегу послѣдняго, тянется песчаная отмель около версты длины и около 100 саж. ширины съ разбросанными по ней отдѣльными камнями и скалами.

Такимъ образомъ, пространства, покрытыя травой ¹⁾, въ сравненіи со всей площадью края ничтожны и разбросаны: узкой полосой вверхъ по теченію Оби-Ширинъ, по правому ея скату на протяженіи 20 верстъ, при ширинѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ верстъ; отдѣльные небольшіе участки по Оби Вестхосу; участки возлѣ и выше кишлаковъ Варфъ, Питау, Нижній Гумай, Джумарчъ и Май-Май; да небольшая площадка подъ переваломъ Паткъ. По словамъ жителей, травы всѣ съѣдобны для скота.

Лѣсовъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, въ Запянджскомъ Дарвазѣ нѣтъ совершенно. Небольшія же рощицы и поросли деревьевъ и кустарника имѣются въ слѣдующихъ пунктахъ:

По берегу Пянджа въ ущельяхъ по ручьямъ Мой-Май, Варфатъ и возлѣ кишлака Джусмарчъ имѣются поросли ивняка и очень немного низкорослой, горной березы; въ этихъ же пунктахъ кое-гдѣ видны отдѣльныя арчевыя деревья.

По теченію Оби-Ширинъ, нѣсколько выше кишлака Згаръ, есть ничтожная площадка внизу у рѣки, покрытая кустарниковою низкорослой искривленной березой. Изрѣдка каменистыя отмели поросли какимъ-то кустарникомъ съ красными стеблями, не выше пояса.

Въ двухъ верстахъ выше кишлака Дыроу раскинулась по низу рощица большихъ (до $4\frac{1}{2}$ арш.) кустовъ, среди которыхъ видна также искривленная береза. Кустурникъ этотъ, а иногда и отдѣль-

¹⁾ Касается времени отъ середины іюля до середины августа; объ остальныхъ же лѣтнихъ мѣсяцахъ можно судить лишь по словамъ туземцевъ.

ныя деревья, тянется вверхъ около [версты, мѣстами прерываясь, мѣстами же сбиваясь въ густыя куртны. На высотѣ же кишлака Бошоръ кусты довольно густо облѣпили крутой бокъ ущелья и низину у самой рѣки. Возлѣ этого кишлака въ складкахъ громадныхъ контрфорсовъ виднѣются десятка три отдѣльныхъ арчей.

Далѣе, у кишлака Хырхатъ, въ мѣстѣ сліянія Оби Ширинъ и Оби-Мадутъ, дно значительно уширеннаго ущелья послѣдняго густо поросло довольно крупнымъ кустарникомъ. Этотъ кустарниковый лѣсъ тянется версты на двѣ вверхъ по Оби-Мадуту. Выше же Хырхата весь низъ ущелья и частью склоны густо поросли смѣсью кустарника, березы, арчи и клена; эти поросли тянутся около четырехъ верстъ и прерываются, не доходя двухъ верстъ до селенія Мирзаки, внизу у котораго на самой рѣкѣ прижалась рошица скрюченной вѣтрами низкорослой березы.

Такою же растительностью покрыты контрфорсы подъ кишлакомъ Хивачъ и близъ лежащее ущелье, не доходя его. Затѣмъ, подъ подъемомъ на моренковыя гряды Патка раскинулась роца кустарника, высотой до 2-хъ сажень; она занимаетъ площадь около версты длины и 150 саж. ширины.

По теченію Оби Вестхоса и Мадута кустарникъ попадаетъ еще рѣже.

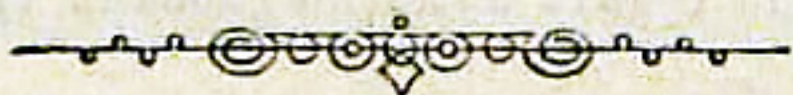
Но за то возлѣ кишлаковъ Варфъ и Питау на Усангъ-су имѣется великолѣпная, живописная роца многолѣтнихъ стройныхъ арчей, достигающихъ до 8 саж. высоты, перемѣшанныхъ съ болѣе низкимъ ивнякомъ и березой. Рѣдкія поросли этихъ же породъ жидко покрываютъ складки контрфорсовъ подъ переваломъ Акбаи-Рога. Роца возлѣ Варфа можетъ поесться единственной группой деревьевъ, могущихъ строго назваться лѣскомъ. Къ сожалѣнію, размѣры ея ничтожны; она имѣетъ не болѣе 1 версты протяженія; ширина же строго зависитъ отъ ширины дна ущелья.

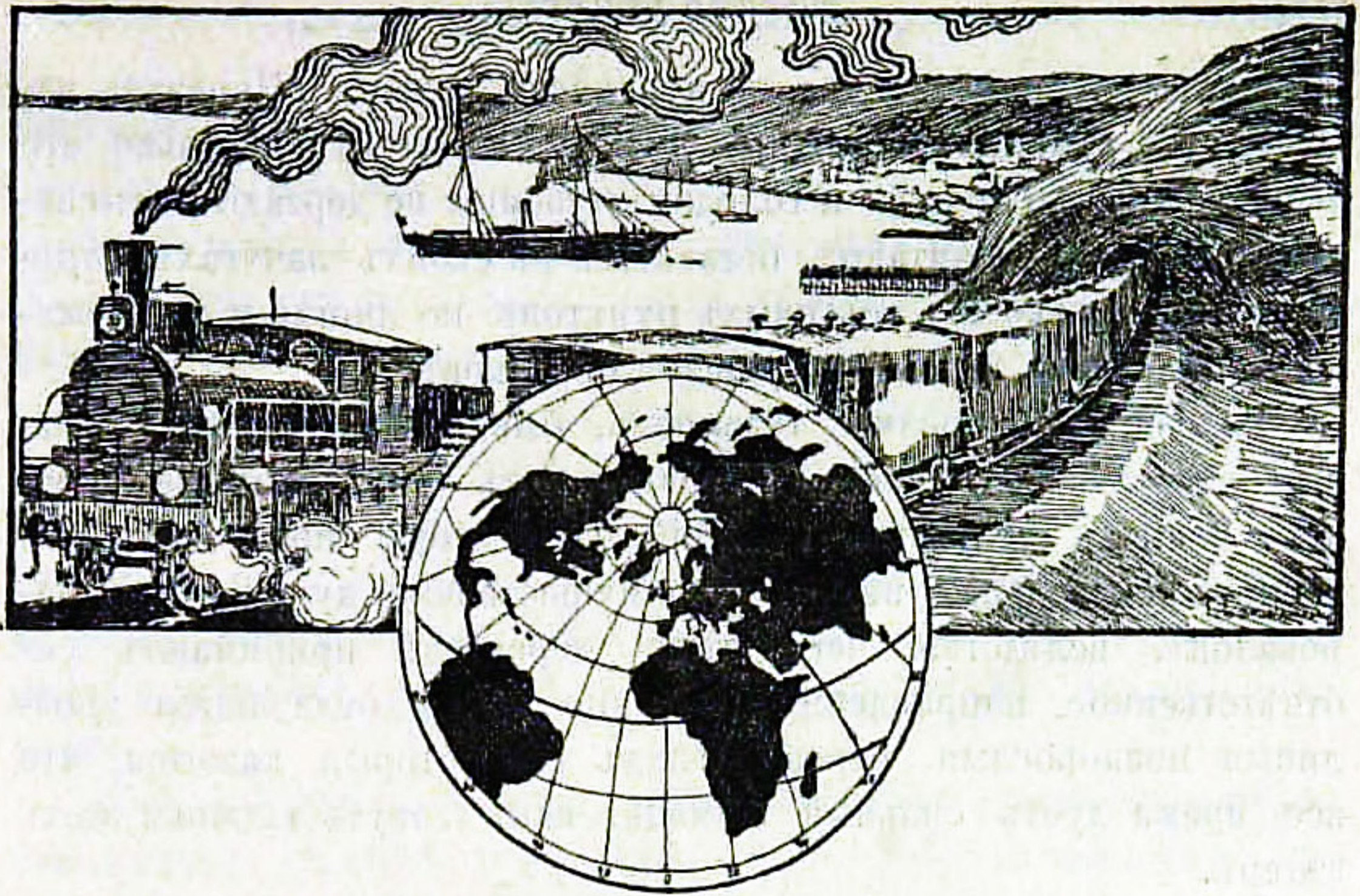
Наконецъ, рѣдкія деревья и кусты покрываютъ оба острова и около версты праваго берега рѣки Тангъ-Шива въ окрестностяхъ селенія Ротау.

Это все вмѣстѣ взятое и представляетъ весь запасъ лѣсныхъ богатствъ края. Къ этому остается только прибавить рѣдкій низкорослый кустарникъ, иногда попадающійся въ горахъ въ видѣ отдѣльныхъ кустовъ или куртнъ на высотѣ 9—10,000 футъ.

Б. Литвиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ БЫВШАГО ЗАПЯНДЖСКАГО ДАРВАЗА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Климатъ этого края общій со всѣми другими частями Памировъ.

Суровая снѣжная зима господствуетъ въ ущельяхъ до середины апрѣля мѣсяца, полоса вдоль самаго берега Пянджа видитъ весну немного ранѣе. Въ іюнѣ весна настаётъ повсемѣстно и начинается общее таяніе снѣговъ на высшихъ точкахъ. Перевалы освобождаются отъ снѣга, въ это же время и начинается лѣто, ясное, жаркое безоблачное и продолжается до конца августа, то есть всего 3 мѣсяца. Съ начала сентября вершины переваловъ начинаютъ окутываться облаками, перепадають дожди. Въ октябрѣ уже начинаются снѣга и вѣтры и къ концу этого мѣсяца наступаетъ снова зима со стужами и страшными вѣтрами на перевалахъ и въ ущельяхъ. Снѣга выпадаетъ такъ много, что онъ зачастую

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» 1907 г. № 7.

засыпаетъ глубокія ущелья на нѣсколько сажень. Перевалы закрываются, карнизы и тропы заносятся снѣгомъ настолько, что вынужденные холодомъ и голодомъ туземцы не дерзаютъ отыскивать ихъ и предпочитаютъ оставаться въ своихъ лачугахъ, отрѣзанные не только отъ торговыхъ пунктовъ но иногда и отъ лежащихъ напротивъ въ одномъ ущельѣ поселковъ.

Холода, по словамъ туземцевъ, бываютъ настолько сильныя, что люди и скотъ страдаютъ отъ нихъ больше, чѣмъ отъ всякихъ другихъ бѣдствій. Къ этому присоединяются и продолжительныя вѣтры, преимущественно дующіе съ переваловъ, вслѣдствіе чего вѣтви деревьевъ принимаютъ соответственное направленіе; особенно этимъ отличаются уродливыя низкорослыя березы, глядя на которыя кажется, что все время дуетъ сильный шамаль, какъ зовутъ таджики этотъ вѣтеръ.

Въ мартѣ, во время оттепелей, въ апрѣлѣ и въ маѣ идутъ дожди; туземцы говорятъ, что въ маѣ бываютъ и грозы.

Что касается температуры, то въ концѣ іюля и въ началѣ августа намъ пришлось наблюдать въ ущельяхъ днемъ жару до 38 градусовъ по Реомюру; ночью же температура спускалась до 9. Съ заходомъ солнца холодъ давалъ себя чувствовать сейчасъ же.

На перевалахъ же вообще, благодаря большой высотѣ, было не жарко. Такъ на Паткѣ въ 6^{1/2} вечера въ моментъ заката при ясномъ небѣ было очень свѣжо (1 августа); на перевалѣ охотниковъ (2 августа) днемъ около 1 часу дня было сыро и облачно и свѣжо; на перевалѣ Акбаи-Рога (4 августа) въ 4^{1/2} часа дня при ясной погодѣ свѣжо.

На Акбаи-Гульдзыри (3 августа), Рога (-го) и Бораси (5-го) въ полдень въ прекрасную погоду было не болѣе 23 градусовъ.

Окаймленный съ трехъ сторонъ Пянджемъ и ограниченный съ юга стѣною ледниковъ, раздѣляющей Запянджскій Дарвазъ отъ южнаго Бадахшана, этотъ край мало доступенъ лѣтомъ и осенью и почти совсѣмъ недоступенъ въ остальное время года. Съ востока, сѣвера и запада его огибаютъ бурный многоводный Пянджъ,

имѣющій характеръ по количеству воды большой рѣки, а по тѣмъ порогамъ и камнямъ, по которымъ онъ несетя, и по страшной быстротѣ теченія онъ является громаднымъ горнымъ потокомъ. Какова скорость его теченія, можно судить по тому, что у Калаи-Вамара берегъ его лежитъ на 6500 футь, а послѣ 250 версть пути уровень рѣки находится уже (возлѣ кишлака Пуниморъ) на 3000 футь, то есть паденіе рѣки равно $\frac{1}{250}$. Понятно, что при такихъ условіяхъ никакое судоходство невозможно не только для туземцевъ, но и для насъ русскихъ. И дѣйствительно, не только во всемъ Запянджскомъ Дарвазѣ, но, пожалуй, и на всемъ среднемъ и верхнемъ Пянджѣ нельзя найти ничего похожаго на лодку.

Тѣмъ не менѣе, нужда заставила бѣдняковъ туземцевъ изобрѣсти средство сноситься черезъ рѣку; и это средство явилось въ видѣ гупсарныхъ переправъ.

По словамъ жителей, постоянныя гупсарныя переправы установлены въ слѣдующихъ пунктахъ; возлѣ Калаи-Хогона, Куфа, Шикая, Калаи-Хумба, Мой-Мая и Джумарча, то есть на путяхъ вглубь страны по рѣкамъ, а значить и по направленію наиболѣе населенныхъ раіоновъ.

Мнѣ пришлось видѣть и переправляться на гупсарахъ только въ двухъ пунктахъ: у Калаи-Хумба и Джумарча. Другихъ гупсарныхъ переправъ видѣть не пришлось. Но судя по тому, что многія отдѣльныя лица въ прибрежныхъ селеніяхъ иногда предпринимаютъ такія экскурсіи на одномъ гупсарѣ съ весломъ въ рукахъ, есть основаніе думать, что такія переправы черезъ Пяндж можно бы установить и не въ однихъ только что перечисленныхъ пунктахъ, а и во многихъ другихъ.

Сущность гупсарной переправы очень простая. Гупсаромъ туземцы называютъ надутый воздухомъ бараній или лучшій козловый мѣхъ, вывернутый шерстью во внутрь. На такомъ болѣе чѣмъ утломъ суденышкѣ опытный туземецъ рискуетъ пуститься въ плаваніе, дабы переплыть ревущую и несущую подъ часъ большіе камни рѣку болѣе чѣмъ въ сто сажень ширины. Для этого онъ, надувъ мѣхъ, идетъ съ нимъ въ болѣе спокойное мѣсто, подкладываетъ его подъ грудь такъ, что конецъ гупсара находится на высотѣ подбородка, ложится, крѣпко обхватываетъ его руками и, оттолкнувшись ногами отъ берега, выбивается на струю, гдѣ, под-

хваченный ею, гребетъ ногами способомъ, подходящимъ къ такъ называемому плаванью «по-бабьи».

Черезъ 4—5 минутъ, отнесенный болѣе чѣмъ на версту внизъ, пловецъ выбирается къ камнямъ противоположнаго берега, что представляется наиболѣе труднымъ дѣломъ. Даже опытные, бывалые пловцы очень часто принуждены бываютъ совершать лишнія двѣ — три версты, если пропустятъ удобную струю.

Такимъ же способомъ переправляютъ лошадей, при чемъ держатъ ихъ одной рукой на длинномъ поводѣ. На глазахъ команды были переправлены черезъ Пянджъ у Калаи-Хумба 2 лошади такимъ способомъ, на что потребовалось около 40 минутъ времени.

Настоящая же, если можно такъ выразиться, переправа производится на гупсаровыхъ плотяхъ. Для этого гупсары вяжутся вмѣстѣ числомъ около 24—25 къ жердямъ такъ, что образуютъ нѣчто въ родѣ миниатюрнаго плота аршинъ $3\frac{1}{2}$ въ сторонѣ. На эти жерди сверху накладывается клеверъ или вообще что нибудь для удобства сидѣть и плоть готовъ. При немъ состоятъ человѣкъ 5 туземцевъ съ двумя—тремя веслами. Суть вся состоитъ въ томъ, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ можно было бы спокойно сѣсть, а затѣмъ, оттолкнувшись, идти по струѣ сначала вверхъ, противъ теченія, до такого пункта, съ котораго общее теченіе, подхвативъ плотъ, несло бы его не вдоль береговъ, а нѣсколько наискось. Команда начинаетъ съ крикомъ и гамомъ работать веслами: большинство же людей плыветъ самостоятельно возлѣ, держась лишь руками за веревки и жерди и помогая ногами. По совершеніи переправы, плотъ подтягиваютъ версты на $1\frac{1}{2}$ вверхъ и только тогда пускаются въ обратный путь.

Насколько эта переправа медлена, можно судить по тому, что наша команда въ 16 человѣкъ при 2 лошадяхъ и не болѣе 10 пудовъ груза переправили въ 3 рейса, во время отъ 7 часовъ утра до 11 час. дня, то есть въ 4 часа. Это касается переправы Калаи-Хумбской. У Джумарча же, гдѣ Пянджъ разливается сажень на 200 и теченіе его значительно ровнѣе, мы переплыли въ 2 рейса и потеряли 2 часа времени.

Переправа на р. Тангъ-Шива совершается на одиночныхъ гупсарахъ, но говорятъ, что у сел. Ротау есть одинъ плотъ.

На всѣхъ остальныхъ рѣкахъ Запянджья устроены мосты

обычной системы, близко подходящей къ типу кавказскихъ. Всѣ эти мосты болѣе или менѣе годны для движенія людей и лошадей, но въ большинствѣ случаевъ, требуютъ движенія поодиночкѣ въ силу весьма большого вертикальнаго качанія. Качаніе мостового полотна иногда доходитъ до того, какъ напримѣръ противъ кишлака Бошоръ на Оби-Ширинъ, что дно его при движеніи двухъ—трехъ человѣкъ касается воды. Болѣе же солиднаго устройства мосты имѣются: на Оби-Ширинъ у к. Хыркать, Дыроу, Мирзаки и при впаденіи рѣки въ Пянджъ. На Оби-Паткѣ хорошіе мосты имѣются у к. Верхній и Нижній Гумай; на рѣкѣ Усангъ-су, у Варфа.

Всего же мостовъ имѣется весьма немного, такъ на Оби-Ширинъ и черезъ его притоки — 12. На Оби-Весткосъ отъ 5 до 7. На Оби-Мадуть — 3. На Оби-Паткѣ — 2. На Усангъ-су 2 и по берегу Пянджа на его притокахъ до 15.

Дороги во всемъ краѣ находятся въ жалкомъ состояніи. Всѣ онѣ безусловно исключаютъ возможность колеснаго движенія и имѣютъ характеръ конныхъ и чаще пѣшихъ тропъ.

Въ юго-западной части, южнѣе перевала Эшъ, то есть за ледниковымъ хребтомъ, отдѣляющимъ болѣе низменный Бадахшанъ отъ Запянджья, пути вообще по всѣмъ свѣдѣніямъ значительно лучше; туземцы рассказывали, что черезъ Эшъ можно пройти въ Файзабадъ иногда и зимою; а чиновники прибавили и что будто до самыхъ подъемовъ къ леднику изъ этого города можно проѣхать и въ арбѣ. Во всякомъ случаѣ такихъ тропъ сѣвернѣе и восточнѣе Эшскаго перевала въ краѣ совершенно не имѣется.

Главнѣйшіе пути лежатъ вдоль рѣкъ и ручьевъ и они суть слѣдующіе. Береговая дорога по самому берегу Пянджа отъ крѣпости Шикай до Калаи-Баръ-Пянджа и далѣе, имѣющая названіе южнѣе Джумарча—Индійской. Благодаря полной неприступности береговъ Пянджа въ этомъ участкѣ, она поднимается на цѣлый рядъ переваловъ, какъ Бораси (10,900), Гумай (11,000), Рога (12870), Гульдзари (11,000) и Бадамбучъ около (10,000). На участкѣ сѣвернѣе и западнѣе Джумарча на ней попадаются искусственные карнизы; перевальный же ея участокъ вообще не опасенъ, но, конечно, необычайно тяжелъ. Спускъ же къ к. Ротау чрезвычайно крутъ и опасенъ.

Вторая магистральная тропа идетъ по Оби-Ширинъ и такимъ образомъ перерѣзаетъ весь районъ.

Она начинается съ только что описанной Калаи-Хумбской переправы и, соединяя всѣ селенія по бассейну рѣки, идетъ на перевалъ въ сел. верхній Гумай. По притокамъ Оби-Вестхось, Оби-Мадуть и Оби-Коомолингъ отъ нея отдѣляются вѣтки, направляющіяся на соответственные перевалы; кромѣ того, у кишлака Гынваръ идетъ вѣтка на кр. Шикай черезъ перевалъ того же имени.

Съ перевала Вестхось тропа спускается въ направленіи на Файзабадъ и отдѣляетъ отъ себя вѣтки къ Куфу и Хогону. Съ Мадута дорога ведетъ по двумъ направленіямъ—на Файзабадъ и ущелье р. Тангъ-Шива. Съ Коомолинга можно попасть въ ущье р. Усангъ-су, то есть къ Варфу, и, если направиться южнѣе—то въ к. Хызау на р. Тангъ-Шива.

Кромѣ этихъ тропъ, изъ сел. Дыроу идетъ тропа на пер. Орвартъ къ кишлаку Мой-Май вправо и къ сел. Разваякъ влѣво. Затѣмъ дороги идутъ по теченію рѣкъ Оби-Паткъ, Усангъ-су и Танъ-шиво отъ самаго верховья до впаденія ихъ въ Пянджъ.

Дороги, пройденныя въ описываемый походъ (отъ Калаи-Хумба по Оби-Ширинъ черезъ Паткъ въ верхній Гумай, изъ него черезъ перевалъ Охотниковъ къ кишл. Сіяшанъ по Усангъ-су въ Варфъ, въ Ротау, оттуда въ Джумарчъ), и путь по берегу Пянджа, ясно видный съ праваго берега, всѣ годны для движенія небольшихъ пѣшихъ командъ и одиночныхъ конныхъ людей; конные вьюки идти въ общемъ не могутъ; лучше таковые перекладывать на ишаковъ. Весьма часто по Оби-Ширинъ попадаются искусственные карнизы и балконы; то же самое относится и къ при—Пянджской тропѣ. Перевалъ Паткъ представляетъ едва проходимую преграду какъ по исключительной своей высотѣ, такъ и по отсутствію тропы. Имѣются только въ нѣсколькихъ мѣстахъ направляющіе столбы. Трудность еще увеличивается тѣмъ, что подъемъ на него съ послѣдней стоянки продолжается 12—13 час. Спускъ же самъ по себѣ занимаетъ до первой удобной для остановки площадки около 4—5 часовъ. Значитъ, дневной переходъ займетъ 16—18 час. времени.

Тропа вдоль р. Оби-Паткъ нѣсколько доступнѣе; нѣтъ искусственныхъ карнизовъ; но спускъ необычайно крутъ и интенсивенъ.

Тропа отъ Варфа черезъ переваль Охотниковъ на Сіяшанъ немногимъ уступаетъ подъему на Паткъ въ смыслѣ трудностей пути какъ на переваль, такъ и съ него въ ущелье Усангъ-су.

Облегченіе составляетъ значительно меньшая высота и количество снѣговъ.

Дорога по теченію ручья Усангъ-су не труднѣе и не хуже каждой изъ Дарвазскихъ тропъ. Про путь же отъ Джумарча до Часноуда черезъ перевалы Бараси, Гумай, Рога, Гульдзори и Бадамбучъ можно лишь сказать, что по крутостямъ подъемовъ и спусковъ и, главное по ихъ количеству, она можетъ похвастаться единственной; но, благодаря холмистому характеру хребтовъ и отсутствію снѣга на перевалахъ, движеніе по ней не представляетъ чрезвычайныхъ трудностей.

Что касается самихъ переваловъ въ Запянджскомъ Дарвазѣ, то ихъ можно раздѣлить на двѣ группы—выше снѣговой линіи (т. е. выше 13000 ф.) и ниже ея. Къ первой принадлежатъ пройденные нами Паткъ и Безымянный (Охотниковъ) и непройденные: Сіяшанъ, Коомолингъ, Мадуть, Вестхось, Сангъ-лючъ (Шикай) и Мой-Май. Ко второй—Бадамбучъ, Орвартъ (непройденные), и Гульдзари, Рога, Гумай и Бораси.

Паткъ представляетъ собою гряду камней снѣга и льда около 18000 ф.; открытъ бываетъ только 3—4 мѣсяца въ году (іюнь, іюль, августъ и сентябрь). По своимъ счастливымъ топографическимъ особенностямъ онъ обезпеченъ отъ снѣжныхъ обваловъ; этому особенно способствуетъ значительная ширина ущелья и ледника надъ переваломъ. Но зато обвалы являются постояннымъ явленіемъ по ту сторону перевала, хотя въ августѣ и сентябрѣ ихъ не бываетъ и тамъ.

Сосѣдніе съ Паткомъ, Сіяшанъ и Коомолингъ, прекрасно видные съ него, совершенно тождественны съ первымъ; но обвалы на нихъ случаются довольно часто и среди лѣта, что заставляеть туземцевъ избѣгать ихъ. Но болѣе всего страдаетъ отъ этого путь на переваль Мадуть. По словамъ жителей, восхожденіе на него изъ ущелья Оби-Ширинъ значительно удобнѣе нежели на Паткъ; но бѣда вся въ постоянно сползающихъ лавинахъ.

Такъ изъ Хырката, по настоятельнымъ совѣтамъ туземцевъ, мы рѣшили двинуться не на Паткъ, а именно на Мадуть; и уже втянулись въ ущелье этой рѣки, какъ встрѣтившіеся путники остановили насъ и сказали, что только наканунѣ обрушилась снѣжная

лавина съ одного изъ боковыхъ контрфорсовъ и совершенно прекратила всякое сообщеніе, похоронивъ при этомъ двигавшійся въ ущельѣ караванъ въ 16 осликовъ при 2 провожатыхъ.

Переваль Вестхось, по разспросамъ, однороденъ съ Мадутомъ. Шикай же и Мой-май значительно ниже и удобнѣе.

Безымянный (Охотниковъ) переваль едва захватываетъ снѣговую линію и потому не превышаетъ 14000 футъ. Открытъ въ теченіи 5 мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь). Вершина его холмиста, но очень рельефна и узка. Вслѣдствіе этого снѣгъ на ней не держится, а собирается въ котловинѣ ниже, въ сторону Гумая. На противоположномъ же склонѣ, чрезвычайно крутомъ и упорно падающемъ въ глубокое съ отвѣсными боками ущелье, снѣгъ, оголивъ вершину перевала, спускается по этому уклону и, задержанный его складками, залегаетъ большими площадями въ нихъ и покрываетъ ущелье по самые края.

Благодаря этому, тропа, спускаясь съ перевала, старательно обходить эти залежи и только въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣшительно перебѣгаетъ по снѣгу на другой край ущелья, по которому винтомъ сбѣгаетъ къ Усангъ-су.

Перевалы Бораси и Гумай, одной почти высоты, лежатъ рядомъ и совершенно неоднородны; они настолько близки другъ къ другу, что тропа не даетъ себѣ труда спуститься съ одного внизъ на дно ущелья, а лѣпится по боку контрфорса и, такимъ образомъ, попадаетъ на другой. Высота ихъ далеко не захватываетъ снѣговую линію и потому движеніе по нимъ открыто съ конца апрѣля по начало октября, т. е. почти полгода. Хотя и весьма крутые, но холмистые подъемы и спуски дѣлаютъ ихъ нетрудными и вполне удобными для конныхъ. Въ августъ ни на одной изъ складокъ ихъ не было ни клочка снѣга.

То же можно сказать про Акбаи-Гульдзари; надо только прибавить, что спускъ съ него въ ущелье рѣки Тангъ-Шиво необычайно крутъ и даже опасенъ. Особенность этого перевала та, что, благодаря его положенію, съ него открывается дивный, чарующій видъ на югъ, вплоть до самаго Гиндукуша, рѣзкой стѣной закрывающаго горизонтъ на югъ и юго-востокъ. На востокъ видъ еще великолѣпнѣе. Ряды, сначала скалистыхъ, а затѣмъ снѣжныхъ и ледниковыхъ хребтовъ, все повышающихся къ югу, сливаются въ одно снѣжное громадное поле. Для производства съемки Бадах-

шана, Рошана, Шугнана и Вахана съ одной точки стоянія врядъ ли найдется болѣе выгодный пунктъ. Ущелье р. Тангъ-Шива открывается на протяженіи болѣе 30 верстъ, а Пянджъ виднѣется отдѣльной голубой змѣйкой на участкѣ отъ к. Пась-Беджу до Хорога. Туземцы въ одинъ голосъ показывали мѣста переваловъ Іанова и Ричъ, гору Лунхо въ Гиндукушѣ и разбирали каждый хребетъ и видимые на нихъ перевалы.

Переваль Бадамбучъ, хотя и ниже Гульдзари, но, благодаря исключительно скалистому характеру хребта, весьма труденъ и едва проходимъ для лошадей.

Что же касается Акбай-Рога, то онъ, будучи сходенъ во всемъ съ Гумаемъ, значительно выше его и круче и даже въ августѣ имѣлъ запасы зимняго снѣга, не мѣшавшаго, впрочемъ, въ это время года движенію.

Онъ открытъ почти полгода!

Запянджскій Дарвазъ населенъ горными таджиками (арійцы), которые представляютъ главнѣйшую массу населенія и являются совершенно родственными таковымъ, живущимъ въ остальномъ Дарвазѣ, Каратегинѣ, Бадахшанѣ, Рашанѣ и Шугнанѣ. Это мирное, добродушное племя обречено на вѣчное голоданіе и холоданіе въ горныхъ дебряхъ своихъ родныхъ мѣстахъ. Съ юга, со стороны Бадахшана къ нимъ примѣшивается болѣе воинственное узбекское племя Катаганъ, извѣстное въ настоящее время тѣмъ, что имъ комплектуется лучшая часть регулярной пѣхоты Авганскаго эмира. Кромѣ того, въ болѣе крупныхъ населенныхъ пунктахъ обрѣтаются и бухарцы, обыкновенно занимающіе какія нибудь административныя должности (амлякдаровъ, минъ-башей и пр.).

Всего въ Запянджскомъ Дарвазѣ насчитывалось до 18,000 жителей, что врядъ ли вѣрно; казалось бы, что цифра эта нѣсколько преувеличена.

Таджики, при всемъ ихъ простодушіи и гостепріимствѣ, народъ угрюмый, неразговорчивый и до крайности бѣдный. Непривѣтливая, бѣдная природа заставила ихъ трудиться надъ добычей себѣ пропитанія настолько больше, чѣмъ бухарскихъ ихъ сосѣдей, что

о стремленіи къ какому либо удобству у нихъ и рѣчи быть не можетъ. Постоянные же перерывы въ сообщеніяхъ съ Дарвазомъ, Кулябомъ и Бадахшаномъ сдѣлали то, что эти бѣдняки должны рассчитывать лишь на самихъ себя и потому обмѣна своихъ произведеній на привозныя почти не существуетъ.

Запянджскій таджикъ средняго роста, широкоплечъ, коротконогъ, черенъ и волосатъ. Широкое покрытое глубокими морщинами полукоричневое лицо, обрамлено широкой густой бородой. На головѣ чалма изъ грубой сѣрой самодѣльной ткани; одежда—такой же матеріи, общемусульманскаго типа рубаха и сверху халатъ, тоже самодѣльной армячинной ткани; на ногахъ такъ называемые «мукки»—тонкой желтой кожи башмаки съ необычайно толстой по всему слѣду подошвой, сложенной изъ нѣсколькихъ рядовъ той же кожи. Передъ тѣмъ, какъ надѣть, таджикъ натываетъ сначала, въ видѣ стелекъ, въ «мукки» соломы, чтобы нога вошла въ обувь туго, а затѣмъ уже и надѣваетъ, иногда съ подвертками, чаще же на голую ногу.

Женщины одѣваются, судя по единственной видѣнной нами за весь путь по Запянджью старухѣ, въ рубахи и шальвары общаго съ бухарскими женщинами типа.

Таджики всѣ безъ исключенія земледѣльцы и немного скотоводы. Каждый, сколько нибудь ровный клочекъ земли они тщательно очищаютъ отъ камней и щебня, изъ которыхъ тутъ же складываютъ родъ забора, и засѣваютъ бачарной пшеницей (орошаемой атмосферной влагой).

Каждый поселекъ Запянджскаго Дарваза окруженъ такими отдѣльными прямоугольниками зеленыхъ запашекъ, завидя которыя, можно безошибочно рѣшить, что близко кишлакъ. Возлѣ своего жилья, то есть на водѣ, таджикъ разводитъ садъ, за которымъ тщательно ухаживаетъ, видя въ немъ серьезную поддержку своего существованія. Тамъ онъ разводитъ сначала яблоню, а гдѣ можно, то и урюкъ, плоды которыхъ высушиваетъ на крышѣ своего дома и потребляетъ въ случаѣ недостатка хлѣба. Въ такихъ благословенныхъ, по тамошнему, мѣстахъ, какъ теченіе Пянджа, въ садахъ растутъ виноградъ и гранаты, а въ Джумарчѣ такъ и дыни, славящіяся своимъ ароматомъ, вкусомъ и розовымъ цвѣтомъ мяса. Затѣмъ, гдѣ можно, разводится тутъ. Оставшееся же пространство засѣвается клеверомъ и особымъ сортомъ кустовиднаго боба и обсаживается талами.

Скотоводствомъ таджикъ заняться въ значительныхъ размѣрахъ, по отсутствію пастбищъ, не можетъ. Верблюдовъ нѣтъ въ Запянджскомъ Дарвазѣ совсѣмъ, лошадей очень мало; но за то пункты, гдѣ онѣ имѣются, могутъ дѣйствительно похвастать ими. Въ этомъ отношеніи посчастливилось тому же Джумарчу. Лошади этой породы небольшого роста (не болѣе 2 вершковъ), такъ называемаго, упряжного склада, сильныя, ширококрупныя и гривистыя могутъ оказать честь любой батарее. Лошади въ центральныхъ мѣстахъ являются типичными горными небольшими лошадами съ дивными твердыми копытами и тонкой эластичной шеей. Привычка ихъ карабкаться по скаламъ прямо изумительна. Въ общемъ же конскій запасъ въ Запянджѣ незначителенъ и въ теченіи 11 дневнаго пребыванія нашего тамъ мы врядъ ли видѣли и полсотни коней во всѣхъ пунктахъ.

За то недостатокъ лошадей восполняется значительнымъ количествомъ ишаковъ; ихъ тамъ такъ много, что расчетъ по подъему тяжестей ведется всегда примѣнительно къ нимъ. Такъ и всѣ выюки нашей команды были распределены по этимъ животнымъ и въ тѣхъ мѣстахъ и по тѣмъ дорогамъ ишаки нисколько не задерживали движеніе, какъ то обыкновенно наблюдается въ равнинныхъ районахъ.

Относительно запасовъ барановъ трудно сказать что либо опредѣленное; общее впечатлѣніе таково, что какъ будто бы этихъ животныхъ вообще нѣтъ въ Запянджѣ. Хотя округа Варфа и Пятау, какъ болѣе холмистая и имѣющая подножный кормъ, имѣетъ стада барановъ. Коровъ тоже нигдѣ не видно.

Вообще же скотоводство настолько мало развито, что даже безчеловѣчное начальство Бухарскаго ханства освободило весь Запянджскій Дарвазъ отъ зякета, то есть отъ налога на скоть.

Не приходитъ на помощь Запянджскимъ таджикамъ и охота. Кромѣ волковъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ медвѣдей, звѣрей въ краѣ нѣтъ; даже встрѣчающихся во всей горной Бухарѣ дикобразовъ и сугуровъ (родъ суслика, достигшаго до 1 арш. длины) нѣтъ въ тущобахъ.

Даже земля и камень не приходятъ на помощь этому заброшенному судьбой люду. На р. Ванчѣ имѣется желѣзо, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Джумарча, а на лѣвомъ берегу Пянджа его нѣтъ; нѣсколько выше Калай-Хумба у Развая, противъ Оби-

Ширинъ имѣются малахитовыя пещеры, а невдалекѣ отъ озера Шива, въ Бадахшанѣ, есть лазуревыя и рубиновыя копи; въ Запанджѣ же, рядомъ, ничего подобнаго нѣтъ и въ поминѣ.

Быть можетъ, нѣкоторые минералы и руды и находятся въ нѣдрахъ земли, но невѣжественные полудикіе туземцы не умѣютъ добывать ихъ.

Такимъ образомъ, таджикъ Запанджскаго Дарваза не имѣетъ почти никакого подспорья своему жалкому земледѣлю; охоты нѣтъ, промысловъ нѣтъ, торговли нѣтъ; только женщины, по словамъ бухарскихъ чиновниковъ, занимаются плетеніемъ пеньковыхъ веревокъ (въ кишлакахъ по рр. Оби-Паткъ и Варфать), да вязаньемъ грубыхъ рубахъ и чулокъ.

Окруженный голыми камнями, таджикъ строитъ себѣ лачугу изъ тѣхъ же камней, скрѣпляя ихъ грязью (ибо глины тоже нѣтъ); эту лачугу съ однимъ входнымъ отверстіемъ—дверью, да двумя-тремя крошечными оконцами, перекрываетъ онъ таловыми жердями; наноситъ на нихъ прутьевъ и соломы и набрасываетъ земляную крышу, оставляя иногда нѣчто въ родѣ дымохода для тяги изъ первобытнаго очага. Такимъ же способомъ строится и сарай для скота съ той только разницей, что дверное отверстіе въ этомъ случаѣ не имѣетъ совсѣмъ косяка и внутренняя поверхность стѣнъ помѣщенія не вымазывается землянымъ растворомъ.

Это общій типъ построекъ туземцевъ, называемыхъ ими «хона́». Правда, въ болѣе счастливыхъ мѣстахъ, какъ Джумарчъ, Гумай и Варфъ, постройки встрѣчаются лучше, но не на столько, чтобы о нихъ говорить отдѣльно, ибо онѣ принадлежатъ въ такихъ случаяхъ преимущественно бухарской администраціи.

Въ силу всей этой обстановки горный таджикъ такъ придавленъ и пришибленъ, что потерялъ всякую охоту какъ нибудь бороться съ трудностями жизни и въ его характерѣ красною ниткой проглядываетъ какое то угрюмое безразличіе.

Болѣзненность среди жителей поразительная. Особенно много больныхъ глазами. Такъ напримѣръ въ к. Дыроу, гдѣ отряду пришлось переночевать, мы не встрѣтили болѣе 5 человекъ съ здоровыми глазами. Остальные, кого мы видѣли, всѣ были больны, (преимущественно съ бѣльмами); особенно же много было больныхъ дѣтей.

До какихъ размѣровъ доходить среди запянджскихъ таджиковъ бѣдность, можно судить по тому, что въ томъ же Дыроу намъ не нашлось, несмотря на присутствіе и стараніе бухарскихъ властей, ни барана, ни курицы, ни яицъ, ни хлѣба. На всю команду кое-какъ добыли со всего кишлака 5 большихъ лепешекъ. Во время же скуднаго нашего ужина явилась старуха, требовавшая помощи ея умиравшей дочери. При разборѣ оказалось, что дочь умирала отъ голода на виду всего кишлака, не могшаго удѣлить несчастной ничего изъ своихъ скудныхъ запасовъ.

Особенно бѣдны поселки по Оби-Ширинъ. Кишлаки же, ближе лежащіе къ Пянджу и непосредственно на его берегу, болѣе обеспечены и кажутся иногда веселыми.

Несмотря на то, что запянджскіе таджики считаютъ себя почему то потомками Александра Великаго (общее стремленіе жителей Средней Азіи), во всемъ краѣ нѣтъ никакихъ намековъ и слѣдовъ не только пребыванія тамъ великаго завоевателя ¹⁾, но и другихъ болѣе близкихъ намъ свѣтлыхъ эпохъ. Нѣтъ ни развалинъ рабатовъ и цистернъ, ни одного обожженаго кирпича. Пѣсни и сказки таджиковъ касаются болѣе животнаго эпоса и бѣдны фантазіей.

И несмотря на все это, таджикъ имѣетъ мужество привѣтливо встрѣчать путника: онъ очень любознателенъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчательно смѣшливъ. Все, что не укладывается въ рамки его пониманія, вызываетъ въ немъ простодушную улыбку. Такъ въ сел. Пятау при разспросахъ амлякдара о теченіи р. Тангъ-Шива намъ пришлось развернуть карту, чѣмъ мы привели въ удивленіе окружающихъ туземцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ о томъ, какъ обозначены дороги, рѣки и кишлаки, видимо поняли быстро суть дѣла и одобрительно повторяли имена знакомыхъ мѣстъ и даже весьма удачно забѣгали, какъ говорится, въ разговоръ впередъ. Такъ дѣло шло до тѣхъ поръ пока случайно не было показано на картѣ селеніе Мудахырсь на р. Тангъ-Шива. Услыша родное названіе, одинъ добродушный широкоплечій парень какъ то странно повторилъ это слово и вдругъ залился заразительнымъ смѣхомъ, среди котораго слышались восклицанія «Мудахырсь». Пріятели его энергически

¹⁾ Александръ доходилъ только до Калаи-Хумба и Гарма, вѣрнѣе, его отряды.

поддержали и смѣхъ сдѣлался общимъ. Что было причиной смѣха—добиться было невозможно; на всѣ наводящіе вопросы паренъ раздражался еще большимъ хохотомъ. Только въ концѣ удалось установить одно, что онъ самъ недавно былъ въ этомъ селеніи.

Запанджскіе таджики, какъ сказано уже выше, не представляютъ какого либо особаго племени, а составляютъ часть общаго населенія Бадахшана, совершенно случайно попавшаго волею дипломатіи въ руки Бухары, тогда какъ остальная часть ихъ сородичей осталась подъ властью авганцевъ (теперь, какъ извѣстно, Запанджскій Дарвазъ отданъ по договору 95 г. послѣднимъ). И въ силу родственныхъ связей и въ силу географическаго и топографическаго положенія своей страны они тяготѣли къ населенію Бадахшана во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ къ правому берегу Пянджа.

Грабежи, временами совершаемые катаганами, и разбойничье хозяйничанье авганцевъ въ Бадахшанѣ, особенно усилившееся съ 90 года, не могли не повліять на уменьшеніе общенія туземцевъ со своими родичами. Это общеніе иногда принимало непонятныя для непосвященнаго въ дѣло человѣка формы. Такъ въ 1894 году наряду съ жалобами на грабежи авганцевъ и бадахшанцевъ, сопровождаемые всегда убійствами, угономъ послѣдняго скота, разореніемъ сакль и пр., жители черезъ своихъ аксакаловъ просили насъ не предпринимать ничего противъ авганскихъ войскъ, говоря будто послѣ нашего ухода тѣ непременно придутъ въ ихъ села и вырѣжутъ все и вся. Эти просьбы были повсемѣстны и настойчивы.

Но наряду съ этимъ тутъ же нашлось человѣкъ 10 молодцовъ съ фитильными ружьями, вызвавшихся примкнуть къ намъ въ качествѣ добровольцевъ и участвовавшихъ на рекогносцировкѣ авганскихъ постовъ. При этомъ дѣйствія этихъ самозванныхъ союзниковъ отличались скорѣе удалью, нежели робостью и боязнью мести со стороны авганцевъ. Тутъ же тѣ же аксаканы, общимъ голосомъ просившіе нашъ отрядецъ уйти и дѣйствовать безъ ихъ помощи даже въ смыслѣ доставки фуража, рассказали одну довольно любопытную страничку изъ ихъ жизни и отношеній къ сосѣдямъ.

Оказалось, что грабятъ не только авганскіе солдаты и бадахшанцы, а и они, мирные жители Запанджья, въ отместку за гра-

бежъ. II такимъ образомъ происходитъ съ обѣихъ сторонъ рядъ набѣговъ. При этомъ, однако, строго установлено обычаемъ правило воевать и грабить во всѣ дни, кромѣ среды и пятницы. Въ эти же дни воюющія стороны самымъ добродушнымъ образомъ собираются безъ оружія на перевалѣ Акбай-Гульдзари или Бадамбургъ, гдѣ и просходитъ обмѣнъ награбленнаго. При чемъ тотъ, кто больше награбилъ, естественно остается въ барышахъ и этотъ излишекъ переходитъ въ его собственность.

Бухарская администрація, имѣющая цѣль только собирать подати и непоставившая въ Запянджѣе ни одного своего, хотя бы юмористическаго, солдата для охраны своихъ подданныхъ, относилась къ этимъ обычаямъ туземцевъ весьма спокойно, какъ будто ничего не замѣчая. Самъ Дарвазскій бекъ, подъ власть котораго отдана была эта страна, самъ признавалъ, что онъ ничѣмъ не можетъ оградить Запянджю отъ авганцевъ, и въ бесѣдѣ съ нами открыто жаловался на полную негодность своихъ солдатъ въ числѣ двухъ ротъ, собранныхъ въ Калаи-Хумбѣ.

Въ описываемое время Запянджскій Дарвазъ раздѣлялся на амлякдарства, подчиненныя Дарвазскому беку; онѣ были слѣдующія: Хогонское, Куфское, Шикайское, Мой-Майское, Джумарчское, Гумайское и Варфское.

Въ вѣдѣніи Варфскаго амлякдара, кромѣ этой округи, находилось и все теченіе р. Тангъ-Шива.

Самые кишлаки Запянджскаго Дарваза составляютъ въ совокупности около 2000 дворовъ. Всѣ они расположены по рѣкамъ и ручьямъ и составляютъ цѣпь, соединенную тропинками съ карнизамъ и балконами. Наиболѣе зажиточными селеніями могутъ быть названы (кромѣ юго-западнаго края) слѣдующія: Згаръ и Хыркать на Оби-Ширинъ; Мой-Май и Джумарчъ на Пянджѣ и затѣмъ Гумай и Варфъ. Остальные кишлаки значительно меньше и доходятъ числомъ дворовъ до 5.

Представляемый здѣсь перечень нѣкоторыхъ населенныхъ пунктовъ показываетъ размѣры ихъ и тѣ запасы, которыми владѣютъ жители:

	Двор.	Хлѣба на 1 день.	Мяса.	Клеверу на 1 день.	Ячменя.
г. Згаръ	80	на 100 ч.	на 60 ч.	на 50 ч.	на 20 лощ.
» Дыроу	45	» 20 »	» нѣтъ	» 30 »	нѣтъ.
» Хивачъ	5	» 5 »	» 5 ч.	» 10 »	—
» Варфъ.	50	» 50 »	» 50 »	» 40 »	мало.

	Двор.	Хлѣбъ на 1 день.	Мяса.	Клеверу на 1 день.	Ячменя.
г. Пятау	7	на 15 ч.	на 15 ч.	на 10 ч.	—
» Гумай	50	» 50 »	» 50 »	» 50 »	мало.
» Буджумъ (нижн.).	20	» 30 »	» 30 »	» 40 »	мало.
» Хыркаты	35	» 40 »	» 40 »	» 40 »	—
» Хыджва	10	» 10 »	» 10 »	» 10 »	—
» Джумарчъ	60	» 100 »	» 100 »	» 50 »	мало.

Изъ этого списка можно вывести въ общемъ такое заключеніе о могущихъ быть добытыми запасахъ хлѣба, мяса и клевера у населенія, что 1 дворъ можетъ прокормить въ теченіи 1 дня одного человѣка и 1 лошадь.

Такимъ образомъ, если считать число дворовъ по районамъ и главнѣйшимъ путямъ, то количество продовольствія и фуража въ нихъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

Теченіе Оби-Ширинъ и своротъ по Оби-Вестхосъ на переваль того-же имени—15 населенныхъ пунктовъ, около 300 дворовъ; значить, то же количество людей и лошадей могутъ получить на 1 день хлѣбъ, мясо и клеверъ.

Теченіе этой рѣки отъ Буджума вплоть до Патка 14 селеній съ числомъ дворовъ около 225.

Участокъ отъ Джумарча до Ротау къ кишлаками по Оби-Паткъ и Усангъ-су—13 селеній съ числомъ дворовъ около 305.

Кишлаки по теченію Тангъ-Шива въ числѣ 6 насчитываютъ около 60 дворовъ.

И, наконецъ, кишлаки по теченію Пянджа отъ Оби-Ширинъ до Бани-Камаръ числомъ 10 имѣетъ около 170 дворовъ. Итого въ 58 селеніяхъ сѣверо-восточной половины бывшаго Запянджскаго Дарваза ютится около 1060 дворовъ населенія; въ остальныхъ же 48 кишлакахъ края ихъ насчитываютъ около 940, приблизительно съ такими же свободными запасами продовольствія и фуража.

Отсюда ясно, какъ ничтожны запасы и какъ шатко благополучіе населенія Запянджскаго Дарваза.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Европѣ возникъ большой интересъ къ племени кафировъ, или болоровъ, какъ называли ихъ многіе, племени, занимавшемъ значительный районъ горныхъ трущобъ южнѣе Бадахшана за Гиндукушемъ. Интересовались имъ потому, что покойный эмиръ Абдурахманъ предпринялъ, начиная

съ 1894 года, походъ въ ихъ страну съ цѣлью водворить въ ея обитателяхъ истины Ислама. Борьба носила характеръ избіенія и закончилась побѣдой авганскихъ войскъ. Очевидными результатами ея для насъ, европейцевъ, живущихъ вблизи границы съ Авганистаномъ, было появленіе плѣнныхъ кафировъ на рынкахъ авганскаго Туркестана, гдѣ эти несчастные продавались въ рабство по самымъ разнообразнымъ цѣнамъ, не превышавшимъ, впрочемъ, 100 крпковъ за мужчину и не падавшимъ ниже 10—15 за ребенка.

Предполагалось, что болоры, (сіяхпуши, кафиристанцы) расползлись по Бадахшану и, значить, и Запянджскому Дарвазу. Говорили даже, что это племя не то отпрыскъ славянъ, какъ то очутившихся въ тущобахъ Гиндукуша, не то грековъ. Ихъ рисовали совершенными блондинами съ голубыми глазами и свѣтлымъ цвѣтомъ кожи.

Поэтому понятно, съ какимъ интересомъ мы всматривались въ Запянджскомъ Дарвазѣ въ лица собесѣдниковъ и встрѣчныхъ. Но на всѣ наши вопросы о кафиристанцахъ и болорахъ намъ всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ, что въ Запянджѣ такого народа нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, возлѣ Хырката намъ попался навстрѣчу, шедшій съ Патка, одиночный путникъ, въ которомъ мы старались признать сіяхпуша. Это былъ невысокаго роста плотный мужчина лѣтъ 35, съ румянымъ лицомъ, ясными голубыми глазами и русой—клинышкомъ бородкой. Онъ напоминалъ въ большой мѣрѣ типъ нашихъ сельскихъ великорусскихъ священниковъ. Одежда его, казалось, ничѣмъ не отличалась отъ одежды таджиковъ. Проходя мимо насъ, онъ привѣтливо улыбнулся каждому солдату и быстро исчезъ за поворотомъ тропы. Мы тотчасъ же потребовали черезъ бухарскихъ чиновниковъ и переводчиковъ справокъ объ этомъ человѣкѣ; но остановить его было уже поздно. Горцы же равнодушно лишь отвѣтили, что люди со свѣтлыми глазами и волосами не рѣдкость среди нихъ и приходятъ изъ Бадахшана. Словъ же кафаристанъ и болоръ они просто не понимали.

Такъ намъ и не удалось установить, кто былъ этотъ нашъ свѣтлобородый незнакомецъ, можетъ быть это былъ и сіяхпушъ.

Таковъ характеръ края и его обитателей, до 1895 года составлявшаго собственность Бухарскаго эмира и отданнаго по Памирскому разграниченію Авганистану.

Когда придется посѣтить его кому нибудь изъ насъ—русскихъ, сказать трудно. Вѣроятно, никогда, ибо кромѣ создавшейся теперь политической обстановки, стоитъ онъ въ сторонѣ и врядъ ли кому настолько интересенъ, чтобы служить цѣлью опаснаго посѣщенія. Нельзя не упомянуть того, что, во время своего похода мы невольно обратили вниманіе на одно явленіе: на немытыхъ еще кускахъ полотна, постилавшагося намъ отъ бухарской администраціи въ качествѣ скатерти, рельефно красовались синія клейма со львами и англійскими этикетками. То же замѣтили мы и на нѣкоторыхъ ножахъ, поданныхъ у Дарвазскаго бека на столъ, и на кожаныхъ поясахъ двухъ-трехъ бекскихъ слугъ. Очевидно, съ юга были попытки завязать и съ этой труппой кое-какія торговыя сношенія. Были ли такія попытки съ нашей стороны, намъ встрѣчать не приходилось.

Б. Литвиновъ.

